

Текст · 14 апреля 2025, 12:25
Елизавета Нестерова, Софья Крылова,

«Я взвесил статью и взвесил три миллиона». Обвиняемых в поджоге вертолета МЧС и релейного шкафа молодых людей приговорили к срокам от 12,5 до 18 лет

На заседании 2-го Западного окружного военного суда прокурор попросил приговорить обвиняемых по делу о поджоге релейного шкафа и спасательного вертолета Ка-32 к лишению свободы на срок от 13 до 19 лет. На скамье подсудимых — четверо молодых людей и их подруга. Им вменяют совершение диверсии и организацию теракта. В суде обвиняемые признались, что выполняли задания анонимного заказчика из телеграма в надежде заработать. «Медиазона» рассказывает, что известно об этом деле.

20-летняя Анастасия Мочалина, 21-летний Роман Яковец и 22-летние Станислав Хамидуллин, Никита Булгаков и Даниил Ямсков в СИЗО уже почти год, их задержали 28 апреля 2024-го. За пару дней до этого они сожгли поисково-спасательный вертолет на аэродроме Остафьево в Подмосковье, а еще чуть раньше — релейный шкаф в Одинцово.

Поджог на железной дороге следствие квалифицировало как диверсию, уничтожение вертолета — как теракт. Молодым людям вменили оба обвинения, Анастасии Мочалиной — только статью о теракте.

Все обвиняемые переехали в Москву из разных регионов — Новосибирской и Ростовской областей и Красноярского края — и жили вместе в одной квартире. Они настаивают, что согласились на поджог только с одной целью: заработать денег.

Станислав Хамидуллин. Фото: Александра Астахова / Медиазона

22-летнему Станиславу Хамидуллину, 22-летнему Никите Булгакову, 21-летнему Роману Яковцу и 22-летнему Даниилу Ямскову запросили по 19 лет колонии строгого режима, а 20-летней Анастасии Мочалиной — 13 лет колонии общего режима^[1].

При этом прокуратура сочла смягчающим обстоятельством, что Никита Булгаков подписал явку с повинной, а у Даниила Ямского есть маленький ребенок. После того, как были запрошены сроки, Анастасия Мочалина разрыдалась.

В суде Хамидуллин рассказал, что вместе с остальными подсудимыми искал варианты заработка. Изначально молодые люди хотели стать «спортсменами», объяснил он, и по поручению наркодилеров контролировать, чтобы курьеры не воровали закладки.

Судья Тимур Жидков на допросе в суде даже переспросил Хамидуллина о поиске работы:

— [Вы хотели] бить людей, которые распространяют наркотики?

— Да.

— А потом?

— Мне написали: есть релейный шкаф, его [надо] поджечь. Я подумал, это легче, чем бить кого-то.

— Логично, — иронично согласился судья.

В итоге Хамидуллин связался в телеграме с неизвестным под ником *Топу*, который предложил деньги за поджог релейных шкафов в Москве. Он обсудил это с друзьями, и они согласились поджечь два шкафа. В ночь на 22 апреля 2024 года к одному из них поехали сам Хамидуллин и Булгаков, а ко второму отправились Яковец и Ямсков.

Поджечь выбранный шкаф Хамидуллину и его приятелю не удалось: они не смогли его вскрыть. Яковец и Ямсков со своим заданием справились и после поджога шкафа записали видео, показывая на камеру «козу»^[2], как требовали заказчики. За это молодые люди получили 15 тысяч рублей в криптовалюте на всех.

После этого, рассказывали обвиняемые на суде, пользователь *Tony* и еще один неизвестный под ником *Big Smoke* предлагали им поджечь другие цели, например пассажирский поезд или военный самолет. Но друзья согласились только на поджог спасательного вертолета на аэродроме — за 3 млн рублей.

— Для вас это большие деньги? — спрашивал судья Станислава Хамидуллина.

— Да. Уже мечты были.

Хамидуллин в суде утверждал, что не осознавал последствий и решил, что за поджог может грозить только статья об умышленном уничтожении-^[3] имущества: «Я об этом не думал. Я взвесил статью [о поджоге до двух лет лишения свободы] и взвесил три миллиона». По его словам, заказчики заверили, что поджог нужен «для проверки безопасности» аэродрома и получения страховки.

Получив 10 тысяч рублей авансом, молодые люди съездили в Остафьево на разведку. В ночь на 26 апреля они подожгли стоявший в отдалении от остальных вертолет Ка-32, снова записав видео с «козой». На следующий день они увидели его в соцсетях — но уже с логотипом ГУР^[4].

КОНТЕНТ ПО ССЫЛКЕ

Telegram

УНИАН - новости Украины | война с Россией | новини України | війна з Росією | УНІАН

В ГУР подтвердили данные об уничтожении Ка-32 на аэродроме "Остафьево" в Москве и показали видео. В ведомстве сообщили, что аэродром принадлежит РФ и эксплуатируется совместно

с предприятием "газпромавиа", входящим в структуру ОАО "газпром".

<https://t.me/uniannet/132194>

Получить оплату друга не успели: решили скорее уехать из Москвы, но уже 28 апреля их задержали.

— Как остальные отреагировали на то, что оплаты [за вертолет] не было? — спрашивал Хамидуллина прокурор в суде.

— Печально...

Прокуратура в прениях настаивала, что «именно горящий, а не поврежденный вертолет оказывает наиболее мощное психологическое давление на зрителей».

«Действовала из дружеских побуждений». Роль Мочалиной

Единственная обвиняемая девушка, Анастасия Мочалина, в суде настаивала, что ничего не знала о готовящихся поджогах и только позволила Хамидуллину, с которым была тогда в отношениях, пользоваться ее картой для вызова такси: счет самого Станислава был заблокирован. Мочалина рассказала, что все молодые люди работали или учились и виделись только дома, утром и вечером.

О поджоге вертолета и релейного шкафа друга, по словам Мочалиной, рассказали ей незадолго до задержания.

Анастасия Мочалина. Фото: Александра Астахова / Медиазона

«Я категорически не согласна с предъявленным обвинением, я не совершала действий, которые классифицируются как террористический акт, — говорила на суде девушка. — Я не понимаю, в чем меня обвиняют: в том, что я обеспечивала мальчиков, вызывала такси? В моих действиях не было умысла, я не совершала поджог, я вызвала такси, кормила, обеспечивала квартирой друзей из дружеских побуждений».

Это подтверждали в суде и остальные обвиняемые. Так, по словам Булгакова, Мочалина считала, что они просто ездят на поиски работы: «Она никогда не задавала лишних вопросов».

Следствие утверждает, что у Мочалиной была более активная роль: в протоколах первых допросов обвиняемых указано, что она знала о готовящемся поджоге вертолета (но не о поджоге релейных шкафов). По версии следствия, молодые люди обещали ей 400 тысяч рублей после получения оплаты за поджог. В суде обвиняемые говорили, что дали такие показания под давлением.

Сама Молчалина рассказала, что после задержания следователи вообще говорили, что «допросят ее просто как свидетеля».

«Сугубо в корыстных целях». Мотивы подсудимых

Вину Мочалина не признает. Остальные подсудимые признали сам факт поджога, но настаивали на переквалификации^[5] обвинений на более легкие.

В суде они говорили, что просто хотели заработать денег, но не думали, что совершают диверсию или теракт.

— А что это, по-вашему? — недоумевал судья Жидков.

— Сугубо в корыстных целях заработать деньги. Как в «Крокус» мы не залетали, — ответил Булгаков.

Роман Яковец в суде рассказал, что и ему очень нужны были деньги: у его матери кредиты на сумму около 600 тысяч рублей, поэтому сразу после возвращения из армии он хотел заработать, чтобы ей помочь. По призыву он служил в охране зенитного дивизиона в Керчи.

«Я служил в армии. Я хотел пойти тоже на СВО», — сказал Яковец, когда в суде его спросили об отношении к действующей власти. По его словам, он был уверен, что поджог хотели организовать сами сотрудники аэропорта — для проверки работы охраны.

Роман Яковец. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Суду Яковец пытался объяснить, что его действия нельзя квалифицировать как терроризм, ведь «терроризм подразумевает дезорганизацию власти, устрашение населения»:

— А мы сугубо в корыстных целях решили поджечь вертолет, ради денег.

— У вас в голове ничего не сработало? Вам какие-то посторонние люди предлагают поджечь вертолет, — уточнил судья Жирков.

— Честно, даже не думал об этом.

— Только деньги?

— Да.

— А что ж не пошли на СВО свое материальное положение поправить?

— Я собирался, еще когда служил, но у мамы родилась дочка, а отчим был на вахте, из-за этого я не подписал контракт.

«Просила присмотреть за Стаськой». Последствия и ущерб

Один из свидетелей обвинения, начальник цеха техобслуживания воздушных судов Московского авиацентра Василий Лукьянский, в суде сказал, что сгоревший вертолет был новым и исправным. Его использовали для тушения пожаров в Москве и Московской области.

По его словам, прямо перед поджогом в нем заменили редуктор и двигатель. Лукьянский видел возгорание: он сказал, что заправленный топливом вертолет сгорел за четыре-пять минут, еще до приезда пожарных.

При этом в ответ на вопрос одного из адвокатов Лукьянский сказал, что «территория аэропорта — зона авиационной безопасности» и поджог не мог быть опасным «для неограниченного круга лиц», как указано в обвинительном заключении. Опасности перекидывания огня, по его словам, не было.

Эксперт Илья Ревякин в суде признал, что релейный шкаф, который подожгли обвиняемые, уже был обесточен на момент поджога.

Тем не менее обвинение оценивает ущерб в 691 412 823,51 рубля, а также настаивает, что была «создана угроза гибели людей», а также «угроза в виде ликвидации аэродрома в Остафьево».

Суд огласил показания более чем двух десятков свидетелей, в том числе сотрудников Московского авиационного центра, родственников подсудимых и собственницы квартиры, которую они снимали в Москве.

Бабушка Хамидуллина Ирина Новикова рассказала в суде, что мать внука умерла в 2012 году, а отец в жизни ребенка не участвовал, поэтому у мальчика «был комплекс, что он сирота и не такой, как все». В школе Хамидуллин учился «посредственно» и после девятого класса поступил на электромонтера, но учебу бросил и уехал работать сушистом в Ростове.

В 2021 году он вслед за бабушкой переехал в Москву, работал в логистике и жил в общежитии, а в 2023 году вместе с друзьями уехал в Крым, где его «кинули» без денег. После этого Станислав уехал ко второй своей бабушке в Новосибирск, откуда собирался вновь приехать в Москву и учиться на машиниста метро. Весь апрель Новикова ждала его дома, а 29 апреля вторая бабушка скинула ей ссылки на новости о задержании внука.

Новикова знакома и с Яковцом, однажды они с Хамидуллиным вместе встречали ее в аэропорту. Она назвала его открытым, добродушным парнем и сказала, что попросила его «присмотреть за Стаськой, чтобы он нормально себя вел».

Родственница Яковца рассказала, что он плохо учился в школе и у них не было доверительных отношений, а тетя Мочалиной сказала, что племянница хорошо училась в школе в Норильске, участвовала в спортивных мероприятиях организации «Патриот» и должна была быть младшим инспектором отдела охраны, пока не решила переехать в Москву. О задержании Мочалиной и Яковца их родственники тоже узнали уже из новостей.

Во время суда адвокаты обвиняемых говорили, что первоначальные показания их подзащитные давали под давлением. На заседании 8 апреля в суде допросили следственную группу, которая занималась расследованием дела. Все свидетели заверили, что никаких жалоб на давление от подсудимых не поступало.

Так, старший следователь Сергей Петров отметил, что во время обыска и допросов молодые люди «были замкнуты в себе немножко, переживали, но на вопросы отвечали осмысленно».

Петров сказал, что когда он зашел в квартиру, обвиняемые лежали на полу, а Мочалина сидела на диване. Он подтвердил, что видел «небольшие повреждения в области локтей и колен у Хамидуллина и Яковца».

Даниил Ямсков. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Адвокат Ямскова говорил, что у его подзащитного при задержании был также поврежден глаз, но Петров этого не заметил. Судмедэкспертиза, по его словам, позже выявила у молодых людей «телесные повреждения, не причинившие вреда здоровью», природа и время их происхождения установлены не были.

Бывший старший следователь Александр Волков добавил, что показания Хамидуллин давал

добровольно, жалоб и заявлений у него не было, как и повреждений «на видимых участках тела».

Старший следователь Ирина Жваневич-Носкова, допросившая Мочалину 28 апреля, утверждала, что подозреваемая была «абсолютно нормальная» и «признавала вину». «Ей было стыдно», — добавила следовательница. Мочалина спросила, было ли в присутствии следовательницы к кому-то из подсудимых применено насилие; она ответила, что не помнит.

В начале мая прошлого года Жваневич-Носкова также участвовала в проверке показаний на месте с Яковцом. Она проводилась по двум местам проживания обвиняемого, на месте поджога релейных шкафов и в Остафьево. Повреждений у Яковца Жваневич-Носкова не видела: «Мы общались, спрашивала, никто ли не обижает в СИЗО; он говорил, что все хорошо, книжки читает».

Редактор: Мария Климова

-
1. В России нет женских колоний строгого режима.
 2. В других аналогичных делах речь шла о жесте «джамбо», который ассоциируется с российскими наемниками: это большой палец и мизинец.
 3. Статья 167 УК.
 4. Главного управления разведки Украины.
 5. Станислав Хамидуллин признал вину по статье о диверсии, но не признал вину по статье о террористическом акте. Даниил Ямсков и Роман Яковец частично признали вину по обеим статьям обвинения. Никита Булгаков не признал вину по статье о диверсии, но частично признал — по статье о террористическом акте.